

Ректор Павловесия

Ием Эро

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ист Эго

Вектор равновесия

<https://litres.ru/74484459>

SelfPub; 2026

Аннотация

За всё в этом мире приходится платить. Но что делать, если счёт за твою жизнь выставлен всей вселенной?

Я приглашаю вас в мир, где предательство пахнет кровью, а спасение — лишь новое проклятие.

Адриан Торн, оставленный умирать теми, кого считал братьями, восстал из небытия. На его шее — мёртвая метка, в груди — ледяное хладнокровие. Его вернуло к жизни существо без лица и жалости, чьи глаза — сама пустота.

Ведомый долгом чести, Адриан идёт по следу призрачного спасителя сквозь кошмары умирающего королевства. Он верит, что лишь возвращает долг, не зная, что за каждое его решение миру придётся заплатить страшную цену.

Нити судьбы уже завязаны в мёртвый узел. Готовы ли вы стать его безмолвным соглядатаем и пройти эту проклятую дорогу до конца?

Содержание

Глава 1. Лесная грязь.	4
Глава 2. Рыжая борода	14
Глава 3. Полярный волк	25
Глава 4. Мёртвые земли	40
Глава 5. Столичные псы	49
Глава 6. Гниющие провинции	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ист Эго

Вектор равновесия

Глава 1. Лесная грязь.

Дождь обрушился на лес мгновенно, тяжелые ледяные капли заколотили по лицу. Я лежал в раскисшей грязи, не в силах пошевелить даже пальцем — тело налилось свистящим, неподъемным свинцом. Каждый судорожный вдох обжигал легкие. Вместо воздуха я втягивал ртом собственную кровь. Она густо булькала в разорванном горле, толчками выплескивалась на подбородок и смешивалась с дождевой водой.

Они ушли. Мои братья по оружию. Те, кому я верил больше, чем себе, просто перерезали мне глотку и оставили издыхать в темноте. Сознание стремительно уплывало, размывая черные силуэты деревьев. Небо надо мной казалось сплошным погребальным саваном. *«Вот и всё. Конец»*, — мысль лениво шевельнулась в остывающей голове.

Вспышка.

Мир вокруг резко изменился. Вспыхнувшая молния на мгновение выжгла темноту, но оглушительный раскат грома долетел до меня странно — глухо и по-новому медленно, словно я уже погрузился на дно океана. Шум ливня вдруг

стих, превратившись в утробный гул. Капли дождя зависли в воздухе, лениво, почти неохотно опускаясь на землю.

И вместе с этой мертвой тишиной пришел холод. Не тот, что шел от мокрой земли, а другой — лютый, могильный, от которого мгновенно застыла кровь в моей ране.

Я выжал последние остатки жизни в один отчаянный взгляд, заставляя глаза сфокусироваться сквозь заливающую их красную пелену. Прямо передо мной кто-то стоял. Девушка. Или существо, укравшее её облик. Тяжелые, застывающие в воздухе потоки воды омывали её лицо, но она даже не зажмурилась. На её бледной коже не было ни капли страха, ни тени жалости. Абсолютная, пугающая пустота.

Свет молнии выхватил её черты, и внутри меня всё окончательно замерло. У её кожи был уродливый фарфоровый оттенок — мертвенно-белый, без единого изъяна, отчего лицо казалось высеченной из камня маской. Глаза — два пустых бездонных омуты — смотрели без жалости, злости или любопытства. Так мясник оценивает забитую тушу, прикидывая, где сделать первый надрез.

От этого существа веяло таким леденящим холодом, что свирепый ветер вокруг показался почти теплым. В горле со свистом поднялась новая порция кровавой пены. Задышавшись, я всё равно упрямо цеплялся взглядом за её силуэт, безмолвно умоляя о чём угодно, лишь бы не проваливаться во тьму. Каждая секунда растянулась в вечность. Ливень вокруг

нас будто завяз в воздухе, капли летели медленно, бесшумно. Всё затихло, словно мир замер в ожидании исхода. Я остался один на один с этой пугающей тварью, и подсознание, охваченное паникой, кричало: что бы она ни задумала, цена её помощи окажется страшнее самой смерти.

Она не шевельнулась. Губы оставались крепко сжаты, но в моей раскалывающейся голове отчетливо прозвучал мертвый, лишенный человеческих интонаций голос:

— Что ты предпримешь, если я позволю тебе остаться в живых?

Я не успел ответить. Тьма рухнула сверху, окончательно раздавив сознание, и утянула меня на самое дно бездонного колодца.

Когда я снова открыл глаза, ливень уже утих. Черное небо полностью очистилось, и прямо надо мной, в просвете между темными кронами деревьев, равнодушно горели холодные, далекие звезды. Я лежал в той же луже, где меня бросили. Одежда, насквозь пропитанная грязью и запекшейся кровью, намертво присохла к телу, сковывая движения.

Судорожно вдохнув, я дернулся и похолодел: собственное тело казалось абсолютно чужим. Мышцы налились свинцовой тяжестью, а окоченевшие, непослушные пальцы едва сгибались. Кое-как, преодолевая это оцепенение, я поднес руку к шее. Пальцы наткнулись на рваный, бугристый,

уродливый шрам, стянувший кожу от уха до середины горла. Кровь больше не текла, но рана горела тупой, ноющей болью.

Перевернувшись на бок, я со стоном уперся ладонями в раскисшую землю. Голова бешено кружилась, к горлу подступила тошнота, но, цепляясь за выступающие корни деревьев, я заставил себя сперва встать на колени, а затем — подняться во весь рост. Теряя равновесие, я сделал пару шагов в сторону и мертвой хваткой вцепился в ствол ближайшей ели, чтобы не рухнуть обратно в грязь.

Преодолевая жуткую слабость, я оттолкнулся от шероховатой коры. Шаг. Еще один. Чужие, будто чугунные ноги едва двигались. Я заковылял сквозь ночную чащу в сторону деревни — ведомый не надеждой, а слепым, животным нежеланием сдохнуть здесь окончательно. Острые ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, словно сам лес пытался удержать меня в своих объятиях.

Внезапно впереди, на самой опушке, мелькнули силуэты. Я замер.

В тусклом свете луны угадывались фигуры моих товарищей. Они не ушли далеко. Стояли и тихо переговаривались, в их руках хищно поблескивала сталь оружия, а один лениво опирался на лопату. Ублюдки собирались вернуться, чтобы закопать мое тело.

В груди глухими, редкими толчками заворочалось сердце — тяжелое, неестественное, словно чужой механизм. Опасаясь, что этот гул выдаст меня, я бесшумно опустился в гу-

стые кусты и затаил дыхание.

Я прикусил губу до крови, подавляя стон, и бесшумно скользнул в густые кусты, замерев на месте.

— Пошевеливайтесь. Скоро волки сбегутся на запах, — раздался из темноты хриплый голос Итана. В нем не было раскаяния. Только деловитая спешка. — Прикопаем его побыстрому. Всё-таки с детства в одной деревне росли.

— Да он сам во всем виноват! — второй, Лиам, нервно сплюнул в грязь и поправил перевязь меча. — Какого черта он полез в драку? Мы эту тварь неделю по болотам выслеживали. Столько сил угрохали! Награда почти в кармане была, а этот кретин выскочил вперед и загородил её собой. Решил всю славу заграбастать? На кой хрен надо было защищать это чудовище?!

— Заткнись, — глухо оборвал его третий. — Если бы мы его не свалили, тварь бы и нас порешила. Из-за него мы потеряли секунду! Он загородил её, мешал целиться. В итоге и золото упустили, и эта сука куда-то в темноту растворилась. У нас не было выбора, он под клинки полез. Шагайте живее, пока она не вернулась с подмогой.

Я слушал их, и мир вокруг окончательно перевернулся. Монстр? Какое чудовище? Я ведь помнил... помнил её бледное, незащитное лицо под дождем. Я бросился наперерез, чтобы спасти девушку от их клинков. А они решили, что я позарился на их золото?

Попытка осмыслить это отозвалась страшным ударом. Словно раскаленный гвоздь вошел прямо в затылок. В глазах вспыхнули слепящие белые искры, и меня снова потянуло вниз

В этот момент по спине пробежал знакомый, мертвенный холод. Воздух вокруг кустов в одно мгновение стал ледяным, заставив меня замереть и вжать голову в плечи. Медленно, преодолевая чугунное сопротивление собственного тела, я обернулся.

Она стояла прямо за мной. Беззвучная, соткавшаяся из ночной тени. Фарфоровое лицо оставалось пугающе гладким, а пустые, лишенные зрачков провалы глаз смотрели сквозь меня, словно разглядывая что-то внутри моего черепа.

В ту же секунду голова взорвалась невыносимой болью, будто кости черепа тронулись и начали крошиться. Земля ушла из-под ног, и я снова стремительно полетел в темноту. Последним, что запечатлелось на сетчатке моих глаз, был этот неподвижный силуэт, застывший среди кустов вопреки всем законам живого мира.

Я резко открыл глаза и сел на кровати, судорожно, со свистом хватая ртом воздух. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Над головой — знакомый до последней трещины деревянный потолок. Моя комната. Мой дом. Но как я здесь оказался? Мысли путались, увязая в густом, тяжелом тумане, словно мозг сознательно блокировал воспо-

минания, защищаясь от безумия. Но то, что случилось на опушке, выжгло в памяти слишком глубокий след, чтобы его можно было стереть.

Свесив ноги с постели, я заставил себя подняться. Каждое движение давалось через силу, мышцы отзывались тупой неживой тяжестью. Кое-как я доковылял до старого, помутневшего зеркала на стене и замер.

На меня смотрел чужак. Осунувшееся, пугающе бледное лицо, словно я несколько недель гнил в сырой яме. Впалые глаза казались тусклыми, а под ними залегли глубокие, угольно-черные тени. Но страшнее всего было то, что багровело чуть ниже.

Я медленно опустил взгляд и сглотнул, чувствуя, как к горлу подкатывает липкий ком. По всей шее, от уха до середины горла, тянулся уродливый, рваный шрам. Кожа вокруг него сморщилась и натянулась. Дрожащими пальцами я коснулся рубца — он был неестественно, мертвецки холодным.

В голове наконец прояснилось, оставляя лишь две жестокие истины. Первая — меня предали. Парни, с которыми я рос, делил хлеб и ввязывался в драки, хладнокровно вскрыли мне глотку и бросили подыхать в грязи. Вторая — я должен был сгнить на той опушке, но я жив. Из темноты меня вытащила тварь с фарфоровым лицом и пустыми провалами глаз. Она подарила мне выдохи и вдохи, но взамен забрала покой. Теперь я у неё в долгу.

На шее горел рубец, но внутри пульсировала только одна ясная мысль: я найду её. Чего бы мне это ни стоило, я верну эту страну наизнанку, но отыщу свою спасительницу. Не из глупой романтики. Просто этот холодный след на горле больше не позволит мне жить прежней жизнью. Я должен узнать, кем я стал и какую цену она с меня сдерет.

С трудом натаскав воды, я попытался отмыться. Смывать с себя собственную смерть оказалось тошнотворно. Запекшаяся кровь намертво склеила волосы на затылке, грязная корка на рубaxe размокала неохотно. Я яростно тер кожу, пока она не покраснела, глядя, как в таз стекает бурая, пахнущая железом жижа. Но сколько бы я ни лил теплой воды, шрам на горле оставался ледяным.

С прошлым было покончено. Деревня, бывшая мне домом, теперь казалась чужой, уродливой ловушкой. Остаться здесь — значит дожидаться, пока Итан и остальные вернутся с лопатой и увидят, что их жертва ходит по улицам.

Я бросил на стол окровавленные лохмотья и собрал дорожную суму. Туда полетели несколько кусков вяленого мяса, фляга с водой и старый, тяжелый охотничий нож отца — единственное надежное железо, что у меня осталось. Накинув на плечи поношенный, пропахший костровым дымом плащ, я натянул капюшон пониже на глаза и, не оборачиваясь, перешагнул порог.

Полночь встретила меня гробовой тишиной. Я выскольз-

нул наружу и аккуратно притворил за собой дверь. Стараясь держаться в тени заборов, я быстро зашагал по темному переулку.

На свою беду, в кромешной тьме я не разглядел валявшийся под ногами обломок камня. Носок сапога с глухим стуком пнул его вперед. Камешек отлетел в сторону и звонко ударил по деревянному ободу старой телеги у соседского двора.

Из-за забора тут же раздалось испуганное хриплое ржание. Лошадь Итана, привязанная под навесом, шарахнулась от резкого звука. Натянув поводья, напуганное животное с силой пересчитало крупом хлипкие опорные балки.

Навес затрясся. Оставленная караульным масляная лампа, стоявшая на верхнем бруске, покачнувшись и полетела вниз, разбившись прямо в куче сухого сена. Пламя моментально, с голодным уханьем, впилося в сухую траву.

Но я этого уже не видел. Натянув капюшон, я быстро уходил прочь, навсегда растворяясь в ночной темноте.

Когда я поднялся на холм у кромки леса, что-то внутри заставило меня обернуться.

Над деревней, пробивая ночную тьму, взвился яростный столб багрового пламени. Окраина полыхала. Горели сразу несколько домов — именно те, где жили они, мои бывшие товарищи. Огонь жадно пожирал сухую дранку крыш. До меня долетал едва слышный, испуганный крик и треск лопающихся от жара балок.

Я смотрел на бушующее зарево с холодным, тяжелым удовлетворением. На душе стало дышаться легче. Ублюдки получили по заслугам, и сама судьба наказала их за то, что они со мной сделали. Справедливость настигла их куда быстрее, чем я мог надеяться. Раз боги или черти сожгли их дома, значит, я всё сделал правильно.

Натянув капюшон, я развернулся спиной к огню и сделал первый шаг вглубь темного леса. Пора было начинать поиски.

Глава 2. Рыжая борода

Ночной лес встретил меня зловещим гулом. Я шел упрямо, не обращая внимания на пронизывающий холод, который так и норовил пробраться под одежду. Ноги сами несли меня к отправной точке — к поляне, где моя жизнь едва не оборвалась.

Скоро деревья расступились. Бледный лунный свет обнажил взрытую, раскисшую после ливня землю. Я замер на краю поляны. В самом центре чернело уродливое пятно — грязь, намертво перемешанная с моей собственной кровью. Место несостоявшейся казни.

Я подошел ближе, вглядываясь в темноту, где стояло то существо, но вокруг было пусто. Никаких следов, ни единой зацепки. Словно фарфоровая девица, спасшая меня, была лишь предсмертным бредом. В затылке на мгновение отозвалась тупая, предостерегающая боль. Я упрямо тряхнул головой, прогоняя наваждение. Нет. Она реальна. И она где-то здесь.

Раз на поляне ничего не осталось, нужно было убираться. Торчать ночью на открытом пространстве, где бродят дикие звери — а теперь я знал, что и твари похуже, — чистой воды самоубийство. Сперва стоило найти хоть какое-то укрытие до рассвета. А уже утром, с чистой головой, думать, куда двигаться дальше.

Сжав рукоять отцовского ножа на поясе, я развернулся и снова зашагал в темноту. Каждое движение отдавалось в мертвой тишине. Спиной я физически чувствовал, как лес наблюдает за мной. Из кустов доносились странные шорохи, но я заставлял себя игнорировать их. Паника сейчас убьет быстрее любого монстра.

Удача улыбнулась мне лишь спустя час изнурительного блуждания по бурелому. Среди густых зарослей я наткнулся на заброшенную охотничью избушку. Дверь покосилась и уныло висела на одной верхней петле, внутри разило сыростью и гнилой соломой. Но бревенчатая крыша была цела — а для одиночки в ночной чаще это уже было благословением.

Первым делом я наспех собрал сухие ветки и хворост, валившиеся по углам, и развел крошечный костер, стараясь спрятать его от посторонних глаз в глубине избушки. Слабое пламя дарило скудное тепло и хоть какое-то подобие покоя. Но одной древесины против ночной чащи было мало. В этих краях лесные твари чувят живую плоть за версту. Мне нужен был заслон надежнее хлипких стен.

Я вытащил отцовский охотничий нож. Развернув левую руку ладонью вверх, я привычным, уверенным движением полоснул лезвием по предплечью. Из глубокого надреза толчками пошла густая, темная кровь. Обмакнув в неё пальцы, я подошел к дверному косяку и, сосредоточившись, при-

нялся аккуратно выводить на старом, потрескавшемся дереве защитный символ. Отец когда-то давно вбивал в мою голову, что древняя магия крови способна отвести взгляд и запутать любого лесного выродка.

Закончив рисунок, я туго перетянул руку чистой тряпкой, наглухо завалил проем ветками и рухнул на деревянный настил, не снимая плаща. Усталость навалилась мгновенно, и под охраной отцовского знака я провалился в тяжелый, рваный сон.

Однако назвать это отдыхом было нельзя. Стоило закрыть глаза, как проклятая ночь на опушке вернулась. Мне снова снился ледяной ливень, соленый вкус собственной крови на губах и уходящие спины бывших товарищей. Но внезапно, сквозь оглушительный грохот грома, из темноты соткалось её лицо. Фарфоровое, каменное, застывшее. Она смотрела в упор. Её губы не шевелились, но в этот раз вместо безмолвного вопроса мертвенный голос внутри моего черепа начал стремительно нарастать, пока не превратился в безумный, раздирающий уши крик.

Я резко распахнул глаза и сел на настиле, хватая ртом воздух, словно только что вынырнул из глубокого омута. Сердце колотилось о ребра, тело покрылось липким холодным потом, а в ушах всё еще звенел отзвук этого жуткого вопля. Дико оглядевшись по сторонам, я мгновенно перехватил рукоять ножа, готовый дорого продать свою жизнь.

Но в хижине никого не было. Угли костра едва тлели, испуская тонкую струйку дыма, а вокруг стояла глухая лесная тишина.

Переведя дух, я посмотрел на заваленный ветками дверной проем. Сквозь щели пробивался бледный, розоватый свет — над кронами деревьев нехотя вставало утро. Пора было убираться. Остаться в этом склепе дольше не имело никакого смысла, нужно было выходить к тракту, пока день только начинался.

Я аккуратно убрал нож обратно в ножны. В этот момент желудок требовательно заурчал, напоминая, что, несмотря на пережитую смерть, предательство и ночные кошмары, живому телу всё еще нужна еда для восстановления сил. Молча, стараясь не слушать гнетущую тишину, я достал из сумы кусок жесткого вяленого мяса и сделал пару глотков из фляги. Настоящим отдыхом это не назовешь, но челюсти работали упрямо, а по жилам вместе с простой пищей наконец-то разлилось скудное тепло. Тревога никуда не делась, она просто утихла, превратившись в злую, холодную сосредоточенность.

Затоптав едва тлеющие угли, я раскидал заваливавшие выход ветки и осторожно шагнул наружу. Туман лениво стелился между стволами, пряча рассветные тени. Но стоило мне сделать пару шагов и оглянуться, как внутри всё похолодело.

Вся сырая земля вокруг избушки была испещрена глубокими, жуткими следами массивных лап с растопыренными когтями. Ночные твари. Они кружили здесь, пока я спал.

На бревенчатой стене, всего в паре дюймов от дверного проема, красовались свежие, глубокие борозды — щепки всё еще белели на темном дереве. Чудовища пытались прорваться внутрь. Скреблись, вынюхивая живую плоть. Я медленно перевел взгляд на отцовский символ, нарисованный моей кровью. Багровые линии потемнели и запеклись, но знак остался цел. Древняя магия сработала — она отвела выродам глаза, заставив их топтаться на пороге, но так и не выдав спящего за хлипкой дверью человека.

Сглотнув вставший в горле ком, я поправил сумку и ту же затянул плащ, прячась от утренней сырости. Медлить здесь больше не стоило. Натянув капюшон, я развернулся и решительно двинулся вглубь просыпающейся чащи.

Весь оставшийся день я шёл вперед. Осторожность въелась под кожу: я замирал от каждого шороха и буквально вглядывался в каждую подозрительную тень между деревьями. Старый лес вокруг казался живым и глухо враждебным.

Мое везение едва не закончилось в полдень. Шагнув под раскидистую ель, я в последний момент уловил неестественную пустоту под сухими листьями. Замерев со вздернутой ногой, я аккуратно раздвинул веткой траву — прямо передо мной хищно оскалились ржавые железные зубья тяжелого

медвежьего капкана. По спине прошёлся мороз. Еще один шаг — и сталь перебила бы кость, навсегда оставив меня в этой чаще. Зубастая удача снова прошла по самому краю.

Почти сразу после этого из чащи донесся хруст веток и приглушенный бубнеж. Я мгновенно скатился в густой малинник, сжавшись в комок. Мимо моего укрытия, гремя снаряжением, лениво тащилась группа местных звероловов. Хмурые, уставшие, с луками за плечами. Я замер, не смея шелохнуться, пока их шаги окончательно не затихли в лесной глуши.

Только к вечеру, когда тени вытянулись и потемнели, я наконец наткнулся на набитую земляную тропу. Она и вывела меня к небольшой придорожной деревеньке.

В самом центре поселения чадил приземистый кабак. Сквозь мутные оконца пробивался желтый свет, наружу доносился гул пьяных голосов и жирный запах жареного сала. Запах дурманил голову, но лезть в толпу сразу я не рискнул. Сперва я отсчитал корчмарю несколько медных монет из отцовских сбережений и выбил себе скромную каморку на верхнем этаже — под самой крышей, подальше от лишних глаз.

Спустившись в общий зал, я забился за столик в самом темном углу. Пока корчмарь нес ужин, я из-под капюшона наблюдал за местными работягами и заезжими купцами. Соваться со своими вопросами к каждому встречному было бы глупостью, но я осторожно заговаривал с бродячими торгов-

цами, подсаживаясь к ним якобы за солью или перехватить уголек для трубки. Напрямик я не спрашивал. Заводил разговор издалека: не встречали ли они на дорогах бледную девушку, фарфоровую, с пустым взглядом? Не промышляет ли где в округе такая ведьма?

Всё без толку. Посетители кабака лишь равнодушно пожимали плечами. В мире, где в лесах полно проклятых тварей, бледной кожей никого не удивишь. Меня хотя бы не сочли сумасшедшим, и на том спасибо. Вернувшись к своему остывающему ужину, я зло вонзил нож в кусок мяса. Внутри закипало глухое раздражение — спасительница словно растворилась в воздухе.

В этот момент за соседним длинным столом зашумели. Компания обозников, только что пригнавших тяжелые телеги с тракта, шумно требовала выпивки. Один из них, усатый детина в грязном кожаном жилете, с размаху грохнул кружкой об стол, привлекая внимание зала:

— Слыхали, чё на юге творится? Мы на рассвете мимо Ольховки шли — так там полнеба багровым полыхало! Мужик встречный, из тамошних, орал, что у них посреди ночи окраина вспыхнула, как сухая солома. Несколько домов дотла слизало, люди прямо в постелях заживо спеклись! В один миг всё занялось, будто кто факел поднес!

Обозник приложился к кружке, а у меня внутри разлилось мрачное, злое торжество. Я крепче сжал глиняный бок своей чаши, удерживая на лице маску полного безразличия. Буд-

то впервые слышу об этой проклятой Ольховке. Значит, они действительно сгорели. Карма настигла ублюдков быстрее, чем я рассчитывал. Судьба сама зачистила за мной следы.

— Да ладно тебе, пожар — дело житейское, — махнул рукой сидящий напротив него старик в засаленном дорожном плаще. — Искры хватит, чтоб полдеревни слизало. Вы лучше поглядите, какая у нас тут, под боком, напасть творится! Вот где настоящая беда. Наше южное поле, кормилец наш... Сегодня с утра мужики пошли, а колосья чернеют прямо на глазах! Вянут на корне, исходят вонючей, склизкой жижей. Будто проклял кто за одну ночь. Если к сбору урожая эта дрянь на остальные поля перекинется, мы к зиме с голоду передохнем. Староста в панике, не знает, что за мор напал.

Я молча слушал их, лениво пережевывая жесткое мясо. Посевы в этой деревне стали погибать... Всего за день, прямо у меня на пути, внезапно начала умирать земля. Причина была неизвестна никому из этих пьянчуг.

Оставив на столе пустую тарелку, я тихо поднялся и направился к шаткой лестнице. Остро хотелось запереться и побыть одному. Каморка под крышей оказалась крошечной, душной конурой. В углу скрипела колченогая деревянная кровать с соломенным матрасом, который помнил не одно поколение бродяг. Из узкого, немытого окна, выходящего на задний двор, тянуло сыростью и запахом конского навоза. На стене криво висело мутное зеркало. В тусклом свете огарка оно отражало лишь неясный, пугающий силуэт — человека,

который за одни сутки стал абсолютно другим.

Служанка, как я и просил, уже успела притащить деревянную бадью и пару ведер горячей воды. Сбросив одежду, пропитанную потом, дорожной пылью и едким запахом лесной сырости, я забрался в бадью. Теплая вода обжгла замерзшее тело, заставляя мышцы наконец-то расслабиться после изнурительного дня. Жижа в бадье стремительно темнела, смывая следы моего бегства, но она не могла вымыть те мысли, что скопились в голове.

Я снова осторожно коснулся пальцами уродливого рубца на шее. Вода обтекала его, но тепло туда так и не проникало — шрам оставался пугающе, холодным. Несмываемая метка. Напоминание о том, что прежний я остался лежать в грязи на той опушке, а этот новый человек, прячущий лицо под капюшоном, больше не принадлежит самому себе. Некоторые вещи остаются навсегда, как бы упрямо ты ни пытался их отскрести.

Насухо вытершись жестким полотном, я задул огарок свечи, лег на соломенный матрас и уставился в невидимый в темноте потолок. В глухой тишине комнатухи я снова и снова пытался прокрутить в памяти события прошлой ночи. Наваждение какое-то... Что именно вообще заставило нас потащиться в ту чащу? Из-за чего всё вышло из-под контроля?

Ответы ускользали, оставляя лишь глухую, давящую пустоту. В памяти намертво выжгло только самое главное:

удар лезвия по горлу, трусливое бегство тех, кому верил, а затем — холодное фарфоровое лицо явившейся из темноты твари. С этими мыслями я и закрыл глаза, проваливаясь в сон без сновидений.

Стоило мне попытаться воссоздать предысторию, как в затылок словно вонзилась раскаленная игла. Боль была острой, пульсирующей — пришлось зажмуриться и до хруста стиснуть зубы. Череп сдавило железными тисками. Собственный разум, предавая меня, выстраивал глухую стену, намертво отрезая от прошлого. Чем упорнее я пытался раскопать причины того, почему мы оказались у леса, тем яростнее становилась эта невыносимая вспышка.

Тяжело выдохнув, я бросил эти бесплодные попытки. Боль медленно, неохотно начала отступать, оставляя в висках лишь глухой, тяжелый гул. Но память оставалась безжалостной, стертой до самого основания.

Я четко помнил, что они со мной сделали. Помнил удар лезвия по горлу, раскисшую грязь и то, как захлебывался кровью.

Но самое главное — я не мог забыть её вопрос, прозвучавший без движения губ, лишенный всяких человеческих интонаций, который до сих пор зловещим эхо отзывался внутри черепа:

— Что ты предпримешь, если я позволю тебе остаться в живых?

Я не смог ответить ей тогда на поляне. Но теперь вся моя жизнь станет этим ответом. Я найду её, чего бы мне это ни стоило. А начать придется со столицы — если в этой глуши никто ничего не слышал, то ответы нужно искать там, где сходятся все дороги королевства.

Глава 3. Полярный волк

Я проснулся с первыми лучами солнца. Кошмары больше не возвращались, но упрямая тревога в груди никуда не делась. Быстро натянув одежду и проверив нож, я спустился по скрипучей лестнице в общий зал. Утром здесь было пусто и уныло, лишь заспанный корчмарь лениво валтузил тряпкой по стойке.

Я направился к нему, собираясь отсчитать пару медяков за завтрак перед дорогой, но мужик, едва заметив меня, молча ткнул пальцем в сторону дальнего стола у окна.

— Завтрак твой на столе, парень, — глухо пробормотал он, не прерывая своего занятия.

Я нахмурился:

— Я еще ничего не заказывал.

— За тебя всё оплачено, — пожал плечами хозяин. — На рассвете девица заходила. Бледная как смерть, лица под капюшоном толком не разглядеть. А руки... фарфоровые какие-то, чистые слишком для наших мест. Швырнула целую серебряную монету и велела накрыть стол для постояльца из верхней угловой конуры, как только тот спустится.

Я медленно повернул голову. У окна действительно исходила паром тарелка с горячей едой.

Она была здесь. Пока я спал запершись под крышей, это

загадочное существо ходило по залу и безмолвно направляло меня, ведя по этой дороге, как невидимая сила. От этого пугающего присутствия по спине прошёл холодок, но страх быстро уступил место расчету. Мне нужны силы для долгого тракта. Если бы моя спасительница хотела моей смерти, она бы просто оставила меня гнить в лесной грязи.

Шагнув к окну, я сел и молча съел всё до последней крошки.

Поднявшись наверх, я забрал из каморки свои немногочисленные вещи и покинул заведение. На последние монеты я заглянул к местному старьевщику и выменял поношенную, но вполне разборчивую карту здешних земель. Теперь я хотя бы примерно понимал, куда держать путь.

На самой окраине деревни удача снова оскалилась мне: у обочины тракта стояла телега, доверху груженная сеном. Я подошел к сидевшему на козлах старику и за пару оставшихся медных грошей попросил подкинуть меня на юг. Старик молча мотнул головой, освобождая мне место на душистой соломе.

Повозка тронулась, мерно поскрипывая колесами. Я развернул карту, вглядываясь в извилистую линию дороги, ведущую к сердцу королевства. Мой путь начался.

Спустя десять минут после того, как парень скрылся за поворотом тракта, тяжелая входная дверь кабака снова со скрипом приоткрылась.

В зал, шатаясь от изнурения, ввалился грязный, оборванный бродяга. Его глаза безумно блестели на осунувшемся лице. Корчмарь в этот момент как раз сгребал со стола у окна пустую тарелку, оставшуюся после постояльца.

Несчастный бросился напрямиком к стойке, умоляюще протягивая костлявые, трясущиеся руки:

— Хозяин... Ради богов, хоть корку хлеба! Подыхаю...

— Пошел вон! Побираться он тут вздумал! — зло прикрикнул корчмарь, с грохотом швыряя пустую посуду в лохань с грязной водой. — Убирайся, пока псов не спустил. Нет тут для тебя ничего. Проваливай!

Мужик грубо перевалился через стойку и со всей силы толкнул нищего в грудь.

В этот момент в разуме бродяги, который шел на запах горячего рагу и уперся взглядом в пустую, дочиста выскребанную чужую тарелку, что-то окончательно треснуло. Голод довел его до безумия. Из рукава его лохмотьев тускло блеснуло ржавое лезвие старого ножа. Бродяга с утробным воплем бросился вперед. Прежде чем хозяин успел хоть как-то реагировать, сталь с глухим, влажным звуком вошла ему прямо в горло.

Раздался ужасный, булькающий хрип. Хозяин кабака ухватился руками за горло, из-под его пальцев хлынула густая темная кровь, и он тяжело завалился за стойку, с грохотом опрокидывая оловянные кружки. Бродяга в ужасе от-

прянул, выронил нож и с дикими воплями выскочил наружу.

А телега, мерно поскрипывая колесами, увозила меня всё дальше по тракту. Над дорогой поднималось мирное утреннее солнце.

Дорога плавно уходила вверх, петляя между вековых деревьев. Повозка покачивалась, колеса глухо постукивали по утопанной земле, а в воздухе стоял густой, сладковатый аромат сухого сена. Я сидел рядом с возницей, лениво разглядывая купленную карту, когда старик нарушил молчание. Не выпуская поводьев из узловатых, покрытых мозолями рук, он скосил на меня мутный взгляд из-под кустистых бровей:

— И чего такому молодому парню понадобилось на юге? — глухо спросил он, поправляя поношенную шляпу. — Из нашей глуши редко кто к большим городам тянется. К родственникам едешь, аль на службу к какому лорду наняться хочешь?

Я спокойно свернул карту и убрал её в сумку. Свежий порез от отцовского знака на предплечье слегка заныл под повязкой. Настоящую причину — поиски жуткого фарфорового существа, переписавшего мою судьбу, — я не открыл бы даже под пытками. Чем меньше люди знают, тем крепче я сплю.

— Да так, старик... Ищу одного человека, — уклончиво ответил я, глядя вперед на извилистый тракт. — Да и в родных краях ловить больше нечего.

Старик тяжело вздохнул, покачал головой и лениво прикрикнул на кобылу, которая вяло перебирала копытами:

— Нечего, говоришь? Оно, может, и так. Только погляди вокруг, парень. Мы из деревни едва выехали, а южное поле уже черное стоит. Слыхал, небось, вчера в кабаке, что мужики баяли? Колосья гниют прямо на корне, исходят вонючей жижей. Старики шепчутся, что земля проклята. Если эта дрянь на соседние общины перекинется — к зиме начнется такая резня за каждый кусок хлеба, что богам тошно станет. Плохие времена наступают. Куда бы ты ни шел, от голода не убежишь. Не боишься сгинуть по дороге ни за грош?

Я машинально коснулся пальцами холодного рубца на шее, который скрывал плотный воротник плаща. После того как меня зарезали и бросили подыхать в грязи собственные братья по оружию, страх перед голодом или бунтами казался чем-то далеким и незначительным.

— Не боюсь, — тихо, но твердо произнес я. — Мне терять нечего.

Старик лишь хмыкнул, ничего не ответив, и повозка продолжила свой неторопливый путь к увядающему сердцу страны.

До развилки мы добрались только к полудню. Здесь тракт разделялся: одна дорога уходила вправо, петляя к небольшой лесной деревушке, а вторая — широкая, засыпанная серым

щепнем — вела напрямик на юг. Старик натянул поводья, заставляя кобылу остановиться.

— Ну, приехали, парень, — кряхтя, произнес он. — Дальше мне направо, к дому. А тебе, стало быть, прямо топать. На своих двоих тут дня два пути осталось, если шагать споро.

Я аккуратно спрыгнул с телеги на обочину, поправил сумку и поглубже натянул капюшон плаща.

— Спасибо, что подвез, отец, — тихо поблагодарил я, протягивая ему последние медные гроши.

Старик принял монеты, спрятал их в карман поношенной куртки и внимательно посмотрел на меня на прощание:

— Удачи тебе, сынок. Она тебе точно пригодится. Смотри не сгинь по дороге.

Старик взмахнул вожжами, и повозка мерно заскрипела вправо, поднимая облако серой пыли. Я стоял на развилке и молча провожал её взглядом, пока телега окончательно не скрылась за крутым поворотом. Вокруг воцарилась глухая, неестественная тишина. Я остался один.

Повернувшись в сторону южного тракта, я сделал первый шаг, но не успел пройти и десятка метров, как по спине пробежал резкий, покалывающий мороз. Шрам на шее мгновенно заныл, словно под кожу плеснули ледяной воды. В затылок упёрся чужой, физически осязаемый взгляд.

Я почти инстинктивно крутанулся на пятках, хватаясь за рукоять отцовского ножа.

Пусто. Только ветер лениво гонял пыль по развилке да шуршали сухие ветки. Ни души.

Помотав головой, я заставил себя идти дальше. Но это жуткое чувство не исчезало. Стоило сделать несколько шагов, как чужое присутствие навалилось с новой силой. Словно кто-то невидимый шел следом, дыша мне прямо в затылок. Я оборачивался снова и снова. Всматривался в каждую глубокую тень, проверял кусты, замирал, вслушиваясь в треск сучьев. Никого. Наваждение шло шлейфом, неотступно, повсюду.

Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая верхушки деревьев в багровые тона. Тени вытягивались по земле уродливыми костлявыми пальцами. Я шёл уже много часов без остановки. Ноги гудели, сухая пыль забивалась в горло, а силы были на исходе. Но хуже усталости было это проклятое, непрекращающееся присутствие.

Оно медленно сводило меня с ума. Весь день этот ледяной взгляд буравил мне лопатки. Я бросался к деревьям, караулил за стволами, хрипел от злости — и упирался глазами в пустоту. Но стоило отвернуться, как морозный воздух снова касался шеи.

Наконец, когда сумерки окончательно сгустились, плотину сорвало. Злость, копившаяся во мне с самого утра, провалилась наружу.

Я резко остановился посреди глухого тракта, развернулся лицом к пустой, темной дороге и бешено закричал в пустоту:

— Да кто ты такой?! Хватит! Я устал от этого! Устал чувствовать, как ты постоянно дышишь мне в затылок!

Мой хриплый голос эхом разнесся по затихшей чаще. Я тяжело дышал, сжимая кулаки так, что ногти вонзались в ладони. Я смотрел прямо перед собой — туда, откуда исходил этот неотступный, леденящий взгляд чужих глаз.

— Если ты наблюдаешь за мной, так покажись! — в ярости выплюнул я в темноту. — Зачем ты это делаешь?! Тебе весело смотреть, как я плетусь по этой проклятой дороге? Если тебе что-то нужно от меня — говори свою цену! Или просто отвали и оставь меня в покое!

Тишина. Только сухие листья шуршали от ветра. Никакого движения. Тот, к кому я кричал, остался невидим, продолжая молча смотреть на меня откуда-то извне.

Я горько ухмыльнулся, вытирая тыльной стороной ладони холодный пот со лба. Приступ безумия, не иначе. Повернувшись спиной к пустой дороге, я поправил лямку сумы и упрямо зашагал дальше в сгущающуюся темноту. Нужно было искать место для ночлега.

Я шел вперед еще около получаса, пока впереди между деревьями не замерцал огонек. Послышался тихий детский плач, приглушенный мужской ропот и скрип немазанных колес. Навстречу мне, медленно передвигая ноги по каменистому тракту, двигалась небольшая толпа. Усталые, грязные, они тащили за собой повозки, нагруженные нехитрым скар-

бом. Люди бросали свои дома.

Когда наши пути пересеклись, я придержал шаг и обратился к идущему впереди мужчине с изможденным лицом:

— Доброй ночи. Не подскажешь, есть ли дальше по тракту какое-нибудь укрытие? Где можно переждать ночь?

Мужчина остановился, окинул меня тусклым, выцветшим взглядом и тяжело вздохнул:

— До столицы отсюда еще добрых два дня пути, парень. Ближайший постоялый двор сгорел неделю назад, так что под крышей ты не укроешься. Да и ловить там нечего — поля вокруг него почернели, жрать нечего. Мы и сами планировали разбивать лагерь прямо здесь, у обочины. Ночью по лесу шныряют такие твари, что в одиночку ты до рассвета не доживешь. Оставайся с нами у костра, вместе безопаснее. Места и жидкой похлебки на всех хватит.

Я оглядел их лагерь. Напуганные женщины прижимали к себе детей, мужчины хмуро проверяли замки на старых арбалетах и пробовали пальцами лезвия топоров. Идти дальше вслепую по ночному тракту действительно было самоубийством.

— Хорошо, — кивнул я, глубже натягивая капюшон. — Спасибо.

Мы сошли с каменистого тракта на небольшую поляну. Пока мужчины наспех собирали сушняк и разводили боль-

шой костер, я забился на поваленное бревно в тени, подальше от яркого пламени. Шрам на шее наконец перестал зудеть, а неотступный, леденящий взгляд, преследовавший меня весь день, уступил место обычному ночному холоду. Но расслабляться было рано. Я устроился поудобнее, готовый слушать, о чем говорят эти люди. Мне нужно было знать всё о месте, куда я шел.

Вскоре над лагерем поплыл густой запах горячей похлебки. Беженцы начали собираться вокруг огня, протягивая глиняные миски. Я оставался в стороне, не желая мешаться в чужой толпе.

Вдруг тени расступились, и к моему бревну тихо подошла одна из девушек. В руках она бережно держала дымящуюся миску с ужином. При ярком свете костра я успел разглядеть её: совсем молодая, лет девятнадцати, с простым, милостивым лицом. Кожа, тронутая золотистым загаром и легкой россыпью веснушек на переносице, казалась невероятно живой. Большие карие глаза смотрели открыто и с некоторой робкой грустью, а непослушные каштановые волосы были наспех заплетены в толстую косу. От неё веяло уютным, чистым человеческим теплом. Того самого, от которого я теперь был отрезан.

Присев чуть сбоку, она протянула еду мне:

— На, поешь, — тихо произнесла она. — Путь-то, небось, долгий выдался.

— Спасибо, — я кивнул и принял миску.

В этот момент яростный язычок пламени взвился вверх, на мгновение озарив моё лицо. Теплый свет скользнул по воротнику плаща, который слегка сдвинулся, обнажая шею.

Девушка замерла. Ее взгляд приковало к уродливому, багровому рубцу.

— Ой... — невольно сорвалось с её губ, и она испуганно прижала ладонь к груди. — Какая страшная рана... Прости, парень, я не хотела разглядывать. Скажи... он не болит?

Стоило мне поймать её сочувствующий взгляд, как девочка густо покраснела — румянец мгновенно залил её круглые щеки. Смутившись от моего хмурого, пристального внимания, она поспешно отвела глаза в сторону и неловко поднялась с бревна.

— Извини... Извини меня, я сунула нос не в свое дело, — торопливо забормотала она, пятясь назад к костру. — Приятного аппетита.

Она быстро скрылась в толпе у огня, оставив меня наедине с горячей миской. Я проводил её взглядом, а затем медленно коснулся пальцами шеи. Рубец не болел. Наоборот, он словно забирал тепло из моих пальцев, оставаясь мертвецки холодным.

Пока я ел, у костра разгорелся жаркий, полный тревоги спор. Мужчины сгрудились вокруг огня, разложив на коленях потрепанную карту.

— На запад надо брать, к побережью, — глухо цедил крепкий мужик с топором на поясе. — Там порты, там рыба всегда есть. Если земля и у моря не проклята, может, хоть на лесопилки какие пристроимся. Околачиваться у тракта — только детей губить.

— Да на западе нас никто не ждет! — зло махнул рукой другой, постарше. — Таких, как мы, из столицы уже тысячи по дорогам плетутся. Где мы там крышу над головой сыщем? В чужих хлевах с коровами зимовать? Надо к южным баронам подаваться, в ополчение наниматься.

— В ополчение? — горько ухмыльнулся старик, гревший ладони у пламени. — Да бароны сами в панике, штаны от страха марают. Вы хоть понимаете, что в мире творится? Дело ведь не просто в гнилой пшенице, которая у вас тут на южном поле за одно утро почернела. На королевство разом, со всех сторон, какая-то кара падает. В столице начался истинный кошмар. Стража наглухо заколотила южные ворота, никого не выпускают и не впускают, мы едва успели проскочить через торговый док. Люди в черте стен мрут сотнями, и вовсе не от голода — их косит какая-то неизвестная, жуткая дрянь.

Старик испуганно огляделся по сторонам и понизил голос до шепота:

— Человек просто ложится, каменеет лицом, замерзает среди бела дня и больше не встает. Кожа темнеет, как про-

клятая земля. Королевские маги бьются, ищут источник заразы, да только толку ноль. Словно из самой преисподней сквозняком потянуло. Скоро за этими стенами начнется такая резня за чистую воду и сухую корку, что наши сгоревшие дома покажутся раем.

При словах о «каменеющем лице» и холоде я лишь на секунду нахмурился. Столица определенно загибалась от какой-то новой, неведомой заразы, и королевские маги были бессильны. В городе явно творилась чертовщина. Но меня это не пугало. Моя цель стояла на месте: пробраться за стены и во что бы то ни стало найти ту, кто вытащила меня из лужи крови. Она вернула мне жизнь, когда весь мир отвернулся, и этого было достаточно.

Мужчины у огня продолжали спорить, их голоса становились тише и безнадежнее. Я молча доел похлебку, вернул пустую миску на край бревна и устроился на ночлег прямо в тени, завернувшись в плащ. Завтра на рассвете я покину этот лагерь. Нужно было спешить.

Первые лучи солнца едва пробивались сквозь густые кроны, разгоняя утренний туман. Лагерь беженцев ещё спал, укутанный серой прохладой. Костёр почти прогорел, лениво выпуская тонкую струйку дыма. Я бесшумно поднялся, проверил нож на поясе и закинул сумку на плечо, собираясь уйти.

Но стоило сделать шаг к тракту, как со стороны повозок послышался легкий шорох.

Я обернулся. Ко мне быстро шла вчерашняя девчонка. Каштановая коса была растрепана после сна, а в руках она держала небольшой, завернутый в чистую тряпицу сверток, от которого шёл пар. Она явно караулила мой уход.

Остановившись рядом, она смущенно попыталась улыбнуться и протянула сверток мне.

— Вот, возьми, — тихо, стараясь не разбудить спящих, прошептала она. — Здесь пара еще теплых ячменных лепешек и немного сушеного сыра. Тебе два дня пешком топать, силы понадобятся. В столице сейчас голодно, вряд ли ты там легко найдешь еду.

Из-под капюшона я молча посмотрел на её протянутые руки, а затем — на сверток. Излишней сентиментальностью я не страдал, но от еды в дороге отказываются только дураки.

Я принял подношение и спрятал его в суму.

— Спасибо, — так же тихо ответил я, глядя ей прямо в глаза.

Девчонка мгновенно покраснела. Её взгляд снова невольно скользнул к моему воротнику, под которым прятался багровый след от ножа. Она явно хотела что-то сказать — возможно, расспросить о ране или снова извиниться за вчерашнее, — но под моим тяжелым взглядом так и не решилась.

Я едва заметно улыбнулся ей напоследок, развернулся к

дороге и, сделав первый шаг, не оборачиваясь, негромко обронил:

— Не болит.

Оставив девчонку позади на этой туманной опушке, я решительно зашагал вперед по каменистому тракту. Лес вокруг медленно просыпался, а серая лента дороги уходила далеко в неизвестность.

Глава 4. Мёртвые земли

Следующие два дня пути слились в одно серое, изнурительное испытание. Лес остался позади, вокруг тянулась сплошная мертвечина. Все эти два дня я шел по выжженной земле: огромные поля до самого горизонта стояли черными, пшеница превратилась в склизкую, вонючую жижу, а голые стволы у обочин царапали серое небо. Проклятие, о котором говорили беженцы, здесь, у самой столицы, накрыло всё вокруг.

Но хуже этой мертвой тишины было другое. Тот самый леденящий взгляд вернулся.

Он преследовал меня неотступно. Ощущение чужого присутствия навалилось с такой силой, что рубец на шее беспрестанно ныл от холода. Я больше не дергался и не кидался с ножом на кусты. Я понял, что это бесполезно. Мой невидимый спутник просто стал частью этой дороги.

К исходу второго дня, когда ноги уже отказывались идти, я присел отдохнуть на придорожный валун. Вокруг не было ни души — только черные деревья и гнилая на много миль вокруг земля. Я устало вздохнул, уставился в пустоту перед собой и негромко, спокойно заговорил:

— Ну и что ты думаешь по поводу всего этого?

Мой голос прозвучал странно и гулко в звенящей тишине.

Я не оборачивался. Я просто знал, что тот, кто неотрывно следует за мной с самой развилки, сейчас слушает.

— Жуткое зрелище, правда? — я обвел рукой чернеющие поля. — Те беженцы и старик-возница не врали. Всё мертво. Люди бегут, маги руками разводят, не знают, что за дрянь на них напала... Чертовщина какая-то.

Я горько усмехнулся, потирая ноющие виски, и уставился прямо перед собой.

— Молчишь... Всегда молчишь. Только смотришь. Тебе ведь тоже кажется, что я совершаю глупость? Иду невесть куда, сквозь всю эту гниль, ищу девицу, которую видел один раз в жизни, да и то подыхая в луже крови. Наверное, со стороны это выглядит очень глупо. Хм. Впрочем, у меня все равно нет другого пути.

Я тяжело поднялся с валуна, поправил плащ и зашагал дальше по каменистому тракту.

Огромные серые стены столицы выросли передо мной на рассвете. Башни тупо торчали на фоне блеклого неба. Куда страшнее было то, что творилось у их подножия.

Главные ворота заколотили наглухо. Перед ними, заполонив всю площадь и растянувшись вдоль тракта, гудела толпа. Воздух пропитался запахом пота, навоза и злости. Я медленно шел между телег, натянув капюшон пониже и слушая, о чем говорят.

В одной стороне стояли ободранные повозки. Крестьяне хмуро сидели на мешках с остатками зерна. Какая-то баба в лохмотьях навзрыд плакала, пока её муж зло сплевывал в пыль:

— Нам ведь приказали! Указ из замка пришел — везти все запасы в город для нужд армии, иначе объявят изменниками! Мы последнее из закромов выскребли, привезли... А нас теперь даже за ворота не пускают! Оставили издыхать под стенами!

В двадцати шагах от них, у крытых фургонов, звенело золото. Столичные купцы, чьи сытые хари контрастировали с истощенными беженцами, оживленно перешептывались, потирая руки:

— Держи цену на муку. Стража откроет боковые доки для своих, а в самом городе мешок зерна уже идет по цене хорошего скакуна. На этом море мы поднимем столько золота, сколько за десять лет ярмарок не видывали. Главное — протащить товар внутрь до того, как чернь взбунтуется.

Слушать это было тошно. Город гнил изнутри еще до того, как до него добрался этот мор.

Понимая, что стоять в толпе бессмысленно, я подошел к мелкому торговцу, который в одиночку проверял упряжь своей повозки. По его лицу было видно — он дергается. Оглядывается на толпу и нервничает.

— Добрый день, — негромко обратился я, поправляя лямку сумки. — Подскажи, купец, как сейчас в город попадают? Ворота, гляжу, заколочены намертво.

Торговец резко обернулся, испуганно мазнул взглядом по сторонам и уставился на меня. Он долго молчал, теребя в руках кожаные поводья и прикидывая, стоит ли вообще открывать рот. Вокруг орали крестьяне, стража на стенах скалилась, общая паника нарастала.

— А тебе зачем туда, парень? — наконец глухо спросил купец, сощутив глаза. — Не видишь, что за стенами творится? Туда сейчас только безумцы рвутся.

В этот момент ветер колыхнул воротник моего плаща, обнажая багровый шрам на шее. Торговец осекся, уставившись на рубец. Его взгляд мгновенно изменился — из подозрительного стал оценивающим. Купец понимающе хмыкнул:

— Хех... Шрам у тебя знатный. На службу в гарнизон пробиваешься? Король сейчас любому мечу рад, платит щедро. Если, конечно, доживешь до полочки.

— Нет, — спокойно ответил я, не отводя глаз. — На короля мне плевать. У меня в городе свои дела.

Торговец снова замолчал, покосившись на свои фургоны, вокруг которых уже начали тереться подозрительные личности из голодной черни. Они голодали, и было ясно, что купцов скоро начнут потрошить.

Я сделал шаг ближе к повозке:

— Послушай, купец. Ворота закрыты, а у тебя тут полный фургон товара. Вокруг сотни злых людей, которым терять нечего. Рано или поздно они пойдут грабить. Давай договоримся. Я посторожу твои тюки. Прослежу, чтобы ни одна гнида не сунула нос куда не надо. А взамен ты провезешь меня через ворота под видом своего погонщика. Что скажешь?

— Ладно, по рукам, — процедил Олдос сквозь зубы, протягивая мне крепкую, мозолистую ладонь. — Меня звать Олдос. А тебя как величать, парень со шрамом?

Я крепко пожал его руку.

— Адриан Торн, — негромко произнес я, впервые за долгое время назвав свое имя вслух. Оно прозвучало чуждо в этой суматохе. словно принадлежало кому-то другому — человеку, который не умирал в раскисшей лесной грязи.

— Ну, Адриан, держись у козел и не спускай глаз с правого борта, — Олдос кивнул на фургон. — Если стража начнет открывать боковой проезд для купеческой гильдии — мы должны проскочить первыми. И не дай бог кто-то из этой голодной черни прикоснется к моему зерну.

Время шло. Солнце медленно поднималось к полудню, припекая головы, а ворота оставались запертыми. Толпа вокруг становилась всё злее.

За эти часы мне несколько раз приходилось вставать на подножке фургона. Оборванцы и карманники то и дело кру-

тились возле правого борта, высматривая, как бы незаметно подрезать веревки на тюках. Но на открытый грабеж они пока не решались. Стоило мне молча повернуться, положить ладонь на рукоять ножа и зыркнуть из-под капюшона, как воры моментально тушевались. Тяжелый взгляд и багровый шрам на шее действовали трезвее любых угроз. Оборванцы понимали, что я церемониться не стану, и поспешно ретировались обратно в толпу.

Олдос, замечая это, лишь довольно крикал и одобрительно кивал мне со своих козел.

Впрочем, стоять спокойно нам не давали. Купцы из богатых гильдий, устроившиеся неподалеку на своих холеных повозках, откровенно скучали и развлекались тем, что отпускали колкие шуточки в нашу сторону.

— Эй, Олдос! — крикнул один из них, жирный боров в шелковом кафтане, лениво обмахиваясь дорогой шляпой. — Ты где это откопал себе такого цербера? Неужто расщедрился на личную охрану? Гляди, как парень волком на всех смотрит! Ты ему хоть платишь, или он у тебя за мешок гнилой репы спину гнет?

Остальные торговцы покатались со смеху, но Олдос лишь огрызался, советуя им получше следить за собственными кошелями. Я пропускал их ржание мимо ушей. Мне не было дела до их золота и спеси.

Ворота начали открывать ближе к полудню. Тяжелые кованные створы со страшным металлическим скрежетом мед-

ленно поползли внутрь стен. Толпа взревела, и по цепочке фургонов пронеслось долгожданное: «Проезд открыт! Только для гильдии!»

Повозка Олдоса медленно тронулась с места, продвигаясь в плотном потоке. До огромной каменной арки ворот оставалось всего несколько десятков шагов. Въезд в город был уже совсем близко, как вдруг воздух разорвал истошный вопль, донесшийся из самого хвоста каравана.

А вслед за ним раздался оглушительный, утробный рёв, от которого задрожала земля под копытами коней.

Толпа крестьян и торговцев мгновенно превратилась в безумное месиво. Из лесной чащи на площадь вылетело чудовище.

Я стоял на подножке фургона и сквозь пелену поднимающейся пыли отчетливо видел эту тварь. Она мало походила на обычного зверя. Огромная, размером с хорошего ломового быка, она передвигалась на четырех мощных, узловатых лапах, увенчанных длинными кривыми когтями, которые с легкостью раскалывали деревянные обода колес. Всё её грузное тело покрывала клочковатая, свалывшаяся шерсть цвета речной грязи, намертво слипшаяся от запекшейся крови и лесного сора. Из мощного загривка торчали уродливые костяные наросты, похожие на обломки сухих ветвей. Но страшнее всего была морда — вытянутая, лишенная губ, с обнаженными бледно-желтыми клыками, с которых на землю хлопьями летела густая пена. Глаза существа горели мут-

ной, белесой слепотой, в них не было разума — только чистая, ведомая вечным голодом ярость.

Этот лесной выродок, не разбирая дороги, врезался в самую гущу каравана. Тварь одним ударом лапы разнесла пополам крестьянскую телегу, подмяла под себя испуганного коня и принялась рвать каждого, кто оказывался на её пути. Кровь, крики, треск ломающегося дерева — площадь за считанные секунды превратилась в бойню.

Тварь стремительно приближалась к нашему фургону, препарируя когтями чужие повозки. Олдос от ужаса оцепенел, выронив поводья из дрожащих рук. Лошади испуганно встали на дыбы.

В этот самый момент шрам на моей шее взорвался пульсирующей болью. Изнутри него во все стороны побежал такой невыносимый мороз, что перед глазами на секунду поплыли плотные черные пятна. Превозмогая эту ледяную судорогу, я рванулся вперед. На одних инстинктах перевалился через козлы, наотмашь оттолкнул застывшего купца и мертвой хваткой вцепился в брошенные поводья.

— Пошли!! — заорал я, хлестнув лошадей кожаными лентами.

Кони, безумея от моего крика и запаха крови, рванули с места. Фургон Олдоса подбросило на камнях тракта, и мы вихрем пронеслись под сводами огромной каменной арки. Мы успели проскочить в самую последнюю секунду.

За спиной раздался оглушительный металлический грохот — стражники опустили тяжелые кованые ворота и загнали засовы, наглухо отсекая монстра от города и оставляя толпу снаружи на растерзание твари. Через толщу дубовых створов донеслись оборвавшиеся крики тех, кого заперли по ту сторону.

Повозка по инерции пролетела еще десяток шагов и замерла на темной, унылой столичной улице. Я тяжело дышал, чувствуя, как ледяной холод в шраме неохотно отступает. Мы были внутри.

Глава 5. Столичные псы

Мы стояли в тени каменной стены. Наш фургон чудом уцелел, кони мелко дрожали, но были целы. Через толщу запертых дубовых ворот всё ещё доносились глухие, оборвавшиеся вопли людей, оставшихся снаружи на растерзание слепой твари.

Вдруг тишину улицы разорвал грохот окованных сапог. Мимо колес нашей повозки, едва не задевая борта, с обнаженными мечами и копьями наперевес пронеслась группа стражников. Они бежали к стене, прижимаясь к каменным кладкам домов, их бледные лица тонули в полумраке. До нас на козлах никому не было дела.

Я медленно разжал онемевшие пальцы и вернул кожаные ремни купцу. Руки слегка подрагивали, а шрам на шее всё ещё тянул холодом, но голова соображала четко. Олдос принял поводья, вжав голову в плечи и зыркнув на меня с диким, онемевшим уважением.

— Ну и... Ну и ну, парень... — пробормотал он, вытирая пот со лба трясущимся рукавом. — Если бы не ты...

— Поехали, Олдос, — холодно перебил я, поправляя капюшон. — Стоять здесь глупо. Вези свой товар, куда собирался.

Повозка медленно поползла по каменной мостовой, уводя

нас прочь от ворот. На одном из перекрестков у площади я заметил вывеску старой, но крепкой каменной корчмы. Нам обоим требовалось перевести дух.

— Олдос, притормози здесь, — негромко попросил я, указывая на здание. — Мне пора. Найду себе каморку на ночь.

Купец натянул поводья. Вся его спесь испарилась — передо мной сидел измотанный, испуганный человек. Он полез за пазуху, вытащил увесистый кожаный мешочек, в котором глухо зазвенели монеты, и протянул его мне.

— Держи, Адриан. Здесь твоя плата, и еще сверху — за мою шкуру и уцелевшее зерно. Ты заслужил каждую монету. Я принял кошель, чувствуя его тяжесть, и коротко кивнул:

— Спасибо.

Олдос не спешил гнать коней. Он наклонился ближе и произнес тихим, предостерегающим шепотом:

— Послушай совета, парень. Потрать эти деньги как можно скорее. Первым же делом завтра утром иди на рынок и закупай столько вяленого мяса и сухарей, сколько сможешь унести. Очень скоро в этом городе начнется такой голод, что золото превратится в бесполезный цветной лом. За монеты хлеба не купишь, когда его не останется вовсе. И еще...

Купец хмуро огляделся по сторонам, всматриваясь в темные переулки.

— Какое бы дело ни привело тебя в город, заканчивай с ним побыстрее, — купец понизил голос. — Хватай того, кого ищешь, и убирайся прочь. Добром это место не кончит.

Я спрыгнул на мостовую и посмотрел на него из-под капюшона. Совет был дельным, но поворачивать назад я не собирался.

— Я учту. Удачи, Олдос.

Купец хмуро кивнул, взмахнул вожжами, и фургон покатился дальше по каменной улице, быстро растворяясь в сером тумане. Я остался у входа в корчму, сжимая в кулаке увесистый кошель. Олдос прав: завтра с утра нужно забить суму сухарями и мясом. Силы мне еще понадобятся.

Каморка на верхнем этаже оказалась тесной и сырой клеткой. Я загнал дверной засов до упора, бросил сумку на пол и, прямо в плаще, рухнул на жесткий матрас. За узким окном свистел холодный столичный ветер. Снизу, сквозь щели в гнилых половицах, доносился глухой стук деревянных кружек и невнятный бормочущий гул тех, кто решил спиться до наступления зимы.

Я закинул руки за голову, уставившись в потолок. В комнате было тихо, но леденящий, пристальный взгляд никуда не делся. Тот, кто неотступно тащился за мной, по-прежнему стоял где-то здесь, в углу этой конуры.

Я тихо, хрипло усмехнулся в темноту. В голосе проскользнула злая ирония.

— Ну что? — негромко спросил я пустую стену. — Скажи честно... страшно было?

Я помолчал, глядя в темноту, а затем продолжил чуть тише:

— Да ладно тебе, не притворяйся. Я же почти чувствовал, как ты там замер, когда этот выродок повозки у ворот пополам ломал. Небось думал, что на этом моя история и закончится? Думал, тварь сожрет меня вместе с Олдосом и его зерном? Признайся, у тебя сердце в пятки ушло, когда я за поводья схватился.

Я прикрыл глаза, чувствуя, как темнота сна наконец берет свое. Напряжение этого дня уходило, оставляя лишь тупую усталость.

— Расслабься. Мы внутри. Живы и даже с кошельком золота, — прошептал я, окончательно проваливаясь в беспмятство. — Спи давай. Завтра предстоит много работы. Шоу только начинается...

Глава 6. Гниющие провинции

Утро в столице выдалось хмурым и неприветливым. Едва я вышел на улицу, как в лицо ударил резкий, пронизывающий порыв ветра. На дворе стояло самое начало осени, и с каждым днем становилось всё холоднее. Кутаясь в плотный дорожный плащ и посильнее надвигая капюшон, я первым делом отправился на поиски картографа. Та поношенная карта, что я выменял в придорожной деревне, годилась разве что на растопку. Отдав приличную сумму в лавке гильдии, я обзавелся свежим, подробным свитком королевства с точными отметками столичных трактов и окрестных лесов. Теперь я хотя бы знал, куда ведут дороги.

Следующей целью стал захудалый квартал на окраине. Тратить золото Олдоса в богатых рядах я не собирался, поэтому отыскал самую неприметную, полутемную мастерскую портного. Старик-мастер долго снимал с меня мерки, испуганно косясь на уродливый багровый шрам на шее, но вопросов задавать не рискнул. За пару монет он подобрал мне верхнюю тунику из тяжелой, грубой валяной шерсти темно-серого цвета. Она была плотной, отлично поддевалась под кожаную безрукавку, защищала от подступающих холодов и не стесняла движений.

Выйдя от портного, я направился на тяжелый стук молотов — к кузнице. Отцовского ножа на поясе было мало для

того, что ждало меня впереди. Кузнец, крепкий широкоплечий мужик, покрытый копотью, принял заказ без лишних слов. Я выложил на наковальню золото и подробно описал, что мне нужно: пара небольших, легких, но ухватистых боевых секир, которые можно закрепить на поясе. Надежное железо, чтобы крошить кости. Кузнец пообещал, что к следующему утру сталь будет готова.

Выйдя от оружейника, я на секунду задумался. Рассчитывать на удачу в глуши было глупо. Если я получу рану, лечить меня будет некому. Свернув в тихий переулок, я отыскал скромную лавку аптекаря. Старик за стойкой выглядел замученным, но за пару серебряных монет собрал мне походный набор: моток чистой льняной ткани для перевязки, бутылёк с крепкой, жгучей настойкой трав на спирту и баночку с едкой мазью против трупного яда и гнили. Спрятав склянки на самое дно кожаной сумы, я затянул ремни. К дороге я был готов.

Проголодавшись, я наконец дошел до центрального рынка. Но стоило ступить на площадь, как я придержал шаг.

На торговых рядах творился бедлам. Цены взлетели до небес. За обычную засохшую буханку ячменного хлеба торговцы требовали столько серебра, сколько раньше стоил целый мешок отборной пшеницы. Люди в толпе орали, ругались, швыряли в купцов грязью, а стража то и дело хваталась за дубинки. Глядя на эту грызню, я вспомнил слова Олдо-са: «Скоро золото превратится в бесполезный цветной лом».

Купец оказался прав. Швыряться монетами было нельзя. Я прошел мимо богатых прилавков и принялся выбирать то, что могло долго храниться в суме и поддержать силы в дороге: вяленую солонину, мешочек сушеного колотого гороха и твердый, как камень, дорожный сыр.

Я укладывал куски солонины на самое дно, когда шрам на шее внезапно пронзила острая, леденящая боль. Мороз мгновенно сковал кожу, заставив меня инстинктивно напрычься. В лопатки снова упёрся тот самый давящий, пристальный взгляд.

Я резко развернулся на пятках, готовый встретить опасность лицом к лицу. Но вместо невидимого преследователя со всей силы врезался в кого-то, кто стоял вплотную за спиной.

Раздался короткий испуганный вскрик, и на грязные каменные плиты кубарем покатился оборванный мальчишка лет двенадцати. Он тяжело упал на спину, выронив из рук пустую миску. Я перевёл дыхание, опустил взгляд на пояс и разозлился: ремешок на ножнах отцовского ножа был аккуратно расстегнут. Этот мелкий уличный воришка воспользовался суматохой, пристроился сзади и почти вытащил моё единственное оружие. Еще секунда — и я остался бы с голыми руками.

Мальчишка сидел в грязи, потирая ушибленный локоть, и со страхом смотрел на меня снизу вверх. Мой тяжелый взгляд из-под капюшона и уродливый рубец на шее не сули-

ли ему ничего хорошего. Пацан сжался в комок, ожидая удара. Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает злость, но марать руки о ребенка на глазах у толпы не стал.

— Ещё раз увижу рядом со своим поясом — останешься без рук, — процедил я, низко наклонившись к нему.

Ворюга судорожно сглотнул, вскочил и в панике кинулся наутек, мгновенно растворяясь в толпе. Я поправил портупею и наглухо застегнул ремешок ножен. Закинув суму со скромной провизией на плечо, я пошел прочь с площади. До завтрашнего утра делать в городе было нечего.

Я вернулся в свою каморку, когда солнце ещё даже не перевалило за полдень. Заперев дверь на засов, я бросил суму с солониной и сыром на пол, скинул плащ и устало опустился на скрипучую кровать. До завтра, пока кузнец не отдаст секиры, времени оставалось прорва. Выходить обратно на улицы, кишашие злой стражей и мародерами, не хотелось.

Я лёг на спину, закинув руки за голову, и уставился в серый деревянный потолок. Шрам на шее всё ещё покалывало после рынка.

Ощущение чужого присутствия, на секунду отпустившее меня в толпе, снова тягуче заполняло комнату. Этот холодный, невидимый взгляд буравил меня прямо из темного угла. Я лениво повернул голову к пустой стене и негромко, с кривой, усталой усмешкой заговорил в пустоту:

— Ну и зачем это было нужно?

Мой голос прозвучал отчетливо в звенящей тишине комнаты. Я знал, что тот, кто тащится за мной по пятам, сейчас слушает.

— Ты ведь тоже это видел, верно? Там, на рынке. Стоило мне на секунду расслабиться, как ты тут же навалился со своим леденящим вниманием. Зачем? Чтобы я обернулся и толкнул этого мальчишку? — я горько хмыкнул, прикрывая глаза. — Пацан просто хотел срезать мой нож. Обычное дело для голодных кварталов. А я чуть не прибил его с перепугу из-за твоего дурацкого взгляда.

Я замолчал, слушая, как за окном свистит осенний ветер. Ответа, как и всегда, не последовало. Мой невидимый спутник хранил привычное, глухое молчание.

— Молчишь. Ну конечно, — я снова ухмыльнулся, переворачиваясь на бок и поудобнее устраиваясь на жестком матрасе. — Тебе ведь нравится просто наблюдать, да? Сидишь там, где тебя невозможно достать, и развлекаешься, глядя, как я дёргаюсь от каждой тени и срываю злость на уличных воришках. Что ж... развлекайся, пока можешь. Завтра я заберу своё оружие, и мы посмотрим, кто кого выследит на этой дороге.

Я закрыл глаза, позволяя усталости проглотить остатки мыслей.

Убегавший мальчишка не разбирал дороги. Несясь напро-

лом сквозь рыночные переулки, он на полной скорости вылетел из-за угла и врезался в проходящего мимо королевского гонца. От сильного удара молодой посыльный не удержался на ногах и повалился в грязь. Запечатанный сургучом свиток с донесением выскочил из его рук и улетел напрямик в открытый канализационный сток.

Взбешенный гонец вскочил на ноги и в ярости набросился на оборванца. Он жестоко, до крови избил мальчишку прямо в грязном тупике, оставив его лежать на мостовой.

Посыльный потратил часы, пытаясь достать размокшую бумагу из нечистот. Из-за этой задержки приказ о высылке снадобий опоздает. На другом конце королевства, в далекой южной провинции, так и не дождавшись помощи, скончается старый опытный лекарь, который должен был остановить начинающийся там мор.

Но для самого избитого мальчика кошмар только начался. Едва дыша, утирая слезы и кровь с лица, он несколько часов полз в сторону трущоб. Он вернулся домой слишком поздно. Из-за того, что сына не было так долго, его исхудавшая, обезумевшая от голода мать решила на худшее.

Когда мальчик переступил порог лачуги, его младшей сестры внутри уже не было.

Не дождавшись еды, мать сделала то, от чего уже никогда не отмоется. На грязном столе стоял лишь один мешок с мукой. Женщина выменяла его у проезжего торговца, продав ему собственную дочь.

На следующее утро туман над городом стал еще плотнее. Воздух окончательно пропитался сыростью и гарью. Первым делом я заглянул к кузнецу. Мужик сдержал слово: на наковальне меня ждали две секиры. Тяжелая закаленная сталь, рукояти обтянуты грубой кожей. Я закрепил их в петлях за спиной, привыкая к новому, надежному весу за плечами.

Снарядившись, я направился в корчму на площади — лучшее место, чтобы раздобыть слухи и понять, куда двигаться дальше.

Внутри было тихо. Люди сидели группами, перешептываясь и косясь на двери. Пройдя вглубь полутемного зала, я заметил в углу знакомую широкую спину. За дальним столом в одиночестве сидел Олдос. Перед ним стояла нетронутая кружка, а сам купец выглядел осунувшимся и постаревшим. Его сытая харя побледнела, в глазах застыла глухая тревога.

Я молча подошел и сел напротив. Купец вздрогнул, резко поднял голову, но, узнав меня, облегченно выдохнул.

— Адриан... Цел, значит, — глухо произнес он, пододвигая кружку. — А в городе дела идут всё паршивее. Ты послушал моего совета? Запасся едой?

Я коротко кивнул, не снимая капюшона.

— Запасся. На рынке грызня. Цены взлетели так, что за буханку хлеба требуют мешок серебра. Что вообще происходит? Всего за день город с катушек съехал.

Олдос хмуро огляделся по сторонам, наклонился ближе к столу и заговорил едва слышным, дрожащим шёпотом:

— Это только начало, Адриан. Боги отвернулись от этого места. Вчера под вечер на рынках вспыхнули первые бунты — чернь пыталась разграбить фургоны купеческой гильдии. Стража устроила настоящую резню, трупы до сих пор у дорог валяются. Но хуже другое. Из южного пограничья сегодня на рассвете прискакал полуживой гончий. Говорит, на заставах вспыхнул жуткий мор, косит людей десятками, а знахари ничем не могут помочь. Проклятие расплзается по королевству. Если так пойдет дальше, через неделю город запрут наглухо, и мы все здесь сгнием заживо.

Купец тяжело вздохнул и уставился на свои трясущиеся руки.

— Я распродаю остатки зерна за любые деньги и убираюсь отсюда на запад, к морю, пока ворота снова не заколотили. И тебе советую — бросай свои дела, Адриан. Хватай кого искал и беги. Здесь скоро прольётся столько крови, что её не смоеет ни один дождь.

Я молча слушал его, положив ладонь на рукоять отцовского ножа. Выждав небольшую паузу, я сделал вид, что это просто праздный интерес, и негромко произнес:

— Послушай, Олдос... Ты человек бывалый, полстраны с

караванами объездил. От лесных чудовищ мы вчера еле ноги унесли, тут спорить нечего. Да и про колдунов на службе у короля все знают, это дело привычное. Но тебе в твоих странствиях никогда не попадалась... скрытая чертовщина? Ну, знаешь, вроде живой марионетки. Девушка с абсолютно фарфоровым, каменным лицом, неподвижная, бледная как смерть. А взгляд — пустой, как бездна. Слышал о такой твари хоть краем уха?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.